

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ю.М. ЛОТМАНА В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Любовь Киселева

Научные труды Лотмана написаны и известны. Они есть, пребывают и будут. Его человеческий облик, за которым стоит сама его суть, живет сейчас в памяти тех, кто хорошо знал Юрия Михайловича, и их долг (...) – свидетельствовать о нем.

(Памяти Лотмана 1994: 492)

Настоящая статья поднимает тему, которая, надеюсь, еще найдет достойное место в истории науки, поскольку поможет прояснить вопрос о генезисе и характере Тартуской школы.

Тартуская школа уже давно стала мифологемой. Не уточняя сейчас терминов (Тартуская или Тартуско-Московская, или Московско-Тартуская и т.д.), подчеркнем, что во всех вариантах тартуский субстрат будет очень важен, и о нем и пойдет речь.

В Тарту и – шире – внутри школы наиболее мифогенным понятием, безусловно, является *кафедра*, т.е. кафедра русской литературы Тартуского университета, на которой Ю.М. Лотман работал с 1950 г. Несмотря на то, что с 1980 г. он формально считался профессором кафедры зарубежной литературы, откуда в 1992 г. перешел на кафедру семиотики, сам он всегда отождествлял себя с кафедрой русской литературы. До конца своих дней именно Ю.М. Лотман оставался ее фактическим руководителем, т.е. его мнение, его авторитет были решающими в принятии всех сколь-либо серьезных решений. Недаром в своем завещании в феврале 1993 г. он писал: „Самый дорогой для меня труд – кафедра, наш с Зарой Григорьевной (Минц) совместный труд”.

Эти слова могут вызвать (и уже вызывали) недоумение и даже относились за счет минутного настроения, влияния обстоятельств и т.п. Однако в той или иной форме Ю.М. Лотман заявлял об этом и раньше, и позже, поэтому нельзя считать такое утверждение случайным.

Slavica tergestina 4 (1996)

Вопрос о том, что такое *кафедра* в системе Лотмана, тесно связан с другим: что значил для него Тарту, Тартуский университет, и почему он не покинул Тарту ради какого-нибудь престижного западного университета, хотя имел для этого все возможности по крайней мере с конца 1960-х гг.

Ю.М. Лотман всегда очень много преподавал, тратил огромное количество времени и энергии на учебную работу. Его аудиторные нагрузки в Тартуском университете сейчас кажутся просто фантастическими. Вплоть до середины 1980-х гг. он преподавал по крайней мере по 10 часов в неделю, а в 1960-70-е гг. (время, когда он был заведующим кафедрой) – по 12-14 часов.¹ Добавим к тому спора-

---

1 В начале работы в Тартуском университете Ю.М. Лотману приходилось вести самые разнообразные курсы: история русской литературы разных периодов, история русской журналистики и критики, методика преподавания литературы в школе, введение в литературоведение, теория литературы. В 1960-е – начале 1970-х гг. он постоянно вел: общий курс истории русской литературы до середины XIX в. (древнерусская литература, литература XVIII века, литература начала XIX века), теорию литературы, анализ художественного текста. Кроме того, Ю.М. Лотман ежегодно руководил семинарами и читал спецкурсы. Как явствует из его личного дела, до 1962 г. он прочитал спецкурсы: Творчество Радищева; Типология творчества Пушкина; *Евгений Онегин*; Творчество Пушкина 1830-х гг.; Декабристская литература; Методика и методология литературоведческого анализа. С 1968 г. мы можем привести полный перечень его спецкурсов, прочитанных студентам отделения русской филологии: 1968/69 – 1969/70 учебные годы: Творчество Гоголя; 1970/71 уч. г.: Творчество Карамзина; 1971/72 уч. г.: Культура и быт александровской эпохи; 1972/73 уч. г.: Структура сюжета; 1973/74 – 1974/75 уч. гг.: Декабристы и русская литература и культура; 1973/74 уч. г., для IV курса: Творчество Пушкина; 1975/76 уч. г.: *Евгений Онегин*. Роман в стихах; 1976/77 уч. г.: Проблема творческой личности и самосознания (Пушкин); 1977/78 уч. г.: Быт и культура в России пушкинской эпохи (облик каждодневной жизни); 1978/79 уч. г.: Модели русской культуры; 1979/80 уч. г.: Творчество Карамзина, для III курса: Анализ текста (Творчество Лермонтова); 1980/81 уч. г.: Русская философская лирика (Творчество Баратынского; Творчество Тютчева); 1981/82 уч. г.: Литературная жизнь XVIII – начала XIX в. (реальное функционирование литературы); 1982/83 уч. г.: Теория прозы; 1983/84 уч. г.: *Письма русского путешественника* Карамзина; 1984/85 уч. г.: Творчество Гоголя; 1985/86 уч. г.: Русская литература в контексте мировой культуры (XVIII – 1-я половина XIX в.). Проблема „Россия и запад”; 1986/87 уч. г.:

дические, но довольные частые лекции школьникам и учителям тартуских школ, не говоря о руководстве курсовыми работами (в среднем по 8 в год), дипломными (в среднем 4-5 в год), а также кандидатскими диссертациями. Все это не считая частных консультаций, устных и письменных отзывов о работах, руководимых коллегами (Ю.М. Лотман и З.Г. Минц никогда не отказывались быть оппонентами курсовых и дипломных сочинений, всегда являлись основными инициаторами проведения защит курсовых работ, а также студенческих научных конференций). Стоило большого труда уговорить Ю.М. Лотмана несколько уменьшить учебную нагрузку в середине 1980-х гг., и тогда она составила 6-8 аудиторных часов в неделю. Только в последние пару лет его нагрузки стали „профессорскими”: 4, потом 2 часа в неделю.

Свою последнюю лекцию в Тартуском университете Ю.М. Лотман прочел 12 мая 1993 г. – это был его последний спецкурс по *Евгению Онегину*. Но еще в сентябре 1993 г., в связи с началом учебного года, мы обсуждали с ним, какой спецкурс он будет читать в 1993/94 учебном году, когда/если сможет... Я предлагала что-нибудь „историософское”, в контексте его последней книги *Культура и взрыв*, зная, что Ю.М. Лотман постоянно мысленно возвращается к теме „смуты”, взрывных и постепенных процессов в культуре. Он отнесся к идее скептически: ему хотелось прочесть что-то совсем новое и, главное, – новое по материалу. Последние три года он особенно страдал от того, что не мог сам добывать новых фактов – рыться в книгах, заниматься в архивах. Материал (литературный, исторический, историко-культурный, этнографический и пр.) всегда был, как известно, главным генератором, а отнюдь не эффектной иллюстрацией его идей.

Можно ли объяснить такую „нерациональную” трату сил на преподавание лишь особенностями темперамента и даже

Поэмы Пушкина; 1987/88 уч. г.: Введение в семиотику культуры; 1988/89 уч. г., 1-й семестр: Эпоха декабристов (1814-1826); 1989/90 уч. г., 2-й семестр: Творчество Пушкина 1830-х гг.; 1991/92 уч. г., осень: (Взрывные процессы в культуре); весна: Незавершенные замыслы Пушкина; 1992-93 уч. г.: Евгений Онегин.

способностью порождать концепции в процессе лекций?² Думается, что ответ лежит гораздо глубже.

Итак, почему Тарту. Ю.М. Лотман окончил Ленинградский университет в 1950 г., в разгар сталинской антисемитской кампании. В своих замечательных воспоминаниях, озаглавленных автором *Не-мемуары*, Ю.М. Лотман рассказывает, как он безуспешно пытался устроиться на работу в Ленинграде.³ Наконец одна знакомая сообщила ему, что в Тарту, в Учительском институте есть вакантное место преподавателя.

То, что в Тарту Ю.М. Лотмана смогли принять на работу, несмотря на неподходящий „пятый пункт” анкеты, можно объяснить несколькими факторами. До провинции столичная антисемитская кампания докатилась более слабыми волнами, и там, где, как в Тарту, не было встречного местного антисемитизма, все шло спокойнее. Кроме того, после местных „чисток” (не менее жестоких, но проходивших по иным принципам) в Тарту ощущалась острая нехватка преподавательских кадров. Те немногие выпускники отделения русской и славянской филологии Тартуского университета 1920-30-х гг., которые могли бы стать университетскими и институтскими преподавателями, либо эмигрировали, либо были высланы или сидели в тюрьмах и лагерях, либо не могли быть приняты на работу по более „актуальным” для местных условий параграфам все той же анкеты. Предпочитались кадры из центра, как более „советские” (ср. Егоров 1994: 78-85).

В Тартуском Учительском институте Ю.М. Лотман проработал до 1956 г.: сперва в штате (первых два года старшим преподавателем, с 1/9/1952 г. по 1/9/1954 г. – доцентом, заведующим кафедрой русской литературы), затем – по совместительству. Звание доцента он также получил в Учительском институте в 1954 г.

---

2 Ср.: „Работа со студентами доставляла огромное удовольствие (...). Четыре-шесть часов лекций в день не утомляли, а неожиданно сделанное открытие, что по ходу лекции я способен прийти к принципиально новым идеям, и что к концу занятий у меня складывались интересные и неизвестные мне вначале концепции, буквально окрыляло” (Лотман 1995: 40).

3 См. описание унижительной процедуры „распределения” в Ленинградском университете и последующих скитаний в поисках работы: Лотман 1995: 35-36.

Ю.М. Лотман всегда с большой теплотой вспоминал институт, помещавшийся напротив Карловой мызы, принадлежавшей когда-то Л.Н. Булгарину. В здании, где располагался институт, Ю.М. Лотман впоследствии мечтал основать Институт семиотики, о чем мне неоднократно с большим увлечением говорил.

По программе Учительский институт был чем-то средним между средней школой и педагогическим институтом и, конечно, не мог удовлетворить научных запросов Лотмана. Однако, как он подчеркивал, студенты были в своем большинстве, хотя не слишком интеллектуальными, зато любознательными и трудолюбивыми. Потом многие из них учились в Тартуском университете. Ю.М. Лотман любил встречаться с ними и вспоминать разные подробности быта Учительского института (нам, случайным слушателям таких бесед, они – увы! – не казались столь лирическими).

Сразу же по приезде в Тарту Ю.М. Лотман начал работать и в Тартуском университете, на кафедре русской литературы. Первое заявление в университетском личном деле Ю.М. Лотмана датируется 15 сентября 1950 г.: „Историко-филологический факультет Тартуского университета (...) Прошу предоставить мне работу, согласно договоренности с зав. кафедрой т.[оварищем] Правдиным, по чтению лекции курса «Русская литература – начало XIX в.». Как явствует из документов, Ю. М. Лотман читал лекции и вел семинар на III курсе, заменяя доц. Н. Адамса, затем читал лекции по истории критики и журналистики на V курсе, замещая ст. преподавателя А. Шаныгина. Первый приказ о почасовой оплате за N. 229 от 30/ 12/1950 г. был подписан ректором Тартуского университета проф. А. Коортом: оплачивался 61 час занятий, по 15 рублей за час; всего причиталось получить 915 рублей. Таково было начало.

До 1 сентября 1954 г. Ю.М. Лотман читал на почасовых основаниях историю русской литературы начала XIX в., XVIII век и даже введение в языкознание (в октябре 1951 г.). Одно время – весной 1953 г. – Ю.М. Лотман был зачислен на 0,5 ставки старшего преподавателя по совместительству. Избрание на штатную должность – сразу доцента – состоялось летом 1954 г. (см. приказ ректора ТГУ от 24 августа 1954 г. N. 650), так что Ю.М. Лотман являлся штатным преподавателем Тартуского университета

с 1 сентября 1954 г. по 28 октября 1993 г. (с 1954 г. – доцентом, с 1963 г. – профессором).

Как говорил мне сам Ю.М. Лотман, он мог быть зачислен в штат и раньше. Ему предлагал постоянную должность заведующий кафедрой Б.Ф. Егоров.⁴ Однако Ю.М. Лотман отказался, т.к. это была должность арестованного в 1951 г. В. Адамса, и он считал неэтичным занять это место.

Ю.М. Лотман расценивал переезд в Тарту как счастливый поворот судьбы. Он любил город – город, имеющий историю, что было важно для Ю.М. Лотмана с его историческим мышлением. Тарту тесно связан с эпохой, которая всегда была в центре его научных интересов. Первая монография (1958 г.) посвящена А.С. Кайсарову не только потому, что и автор, и герой жили в Тарту и являлись профессорами одного университета, а потому что это было продолжением штудий литературного процесса первого десятилетия XIX в., начатых Лотманом еще в студенческие годы.

Однако все-таки надо помнить, что годы, когда Ю.М. Лотман приехал в Тарту, Тартуский университет отнюдь не переживал расцвета. Отделение русской филологии являло собой особенно разительный контраст с Ленинградским университетом конца 1940-х гг., где Ю.М. Лотман учился и где тогда собрался цвет русистики и вообще отечественной филологии.

В Тарту Ю.М. Лотман оказался перед выбором: либо занять выжидательную позицию, рассматривая пребывание здесь лишь как временное убежище. Либо, начав с нуля, строить то, что сам хочешь построить.

Трудность и специфика местных условий заключалась еще и в том, что начинать надо было даже не с нуля, а с величины отрицательной – с преодоления скрытой враждебности. Приехавшие из Советской России молодые преподаватели, причем русисты, воспринимались местной интеллигенцией и просто жителями маленького городка, где все на виду, как оккупанты, ставленники власти и как потенциальная угроза местной культуре. Сам Ю.М. Лотман в

---

4 Официально Б.Ф. Егоров стал заведовать кафедрой русской литературы в 1954 г., но до этого часто замещал своего предшественника Б.В. Правдина во время его болезни.

Не-мемуарах признается, что совсем не сразу оценил трагизм обстановки, в которой он сам и вся кафедра оказались.

Таким образом, решив остаться в Тарту, нужно было не только создать кафедру, поставить преподавание русской литературы на должный уровень, не только начать научную и издательскую деятельность, но еще и преодолеть недоверие, предубеждение и против себя лично, и – что труднее – против своего предмета.

Конечно, облик Ю.М. Лотмана, его манера держаться, его эрудиция, свободное владение немецким и французским языками сразу отличали его от „советских русских” и расположили к нему многих эстонских интеллигентов (упомянем доцентов Каллисту Канн, Рихарда Клейса, Олега Мутта, Виллема Эрнитса) а также членов местной русской диаспоры. Многих, но далеко не всех.⁵ Процесс завоевания и подтверждения этого доверия, фактически, никогда не прекращался. Так, чтобы отстоять лицо русской культуры и лицо кафедры русской литературы в период скрытой русификации Эстонии в 1970-80-е гг., Ю.М. Лотман создает учебник-хрестоматию по литературному чтению для IX класса эстонской школы (1982 г.), книгу для учителя (1984 г.), а также учебник по русской литературе на эстонском языке (1982 г.). Ю.М. Лотман стремился к тому, чтобы в сознании эстонских учеников и вообще в сознании эстонцев русский язык ассоциировался с великой русской культурой, а не с советской идеологией, которую усиленно насаждали тогдашние учебники русского языка. И это лишь один пример неустанной целенаправленной деятельности на сближение эстонской и русской культур.

Можно сказать, что и сам Ю.М. Лотман и его кафедра выдержали экзамен на доверие. Однако в одиночку это было бы если не невозможно, то гораздо более трудно. И именно в таких условиях в середине 1950-х гг. начинает формироваться понятие *кафедры* как содружества близких по духу, хотя и разных по характеру, по научным и человеческим склонностям людей – своего рода академическая семья. В ее формировании большую роль

---

5 Ср. свидетельство Б.Ф. Егорова о распространявшемся в Тарту слухе, что знаменитые лотмановские усы – подражание Сталину (См.: Егоров 1994: 87).

сыграли личные качества Ю.М. Лотмана. Всем, знавшим его, памятен присущий Лотману культ Семьи, Дома, освещавший его домашнюю жизнь и нашедший отражение и в его научном творчестве. Однако важно и его умение объединять людей, которое так удачно подчеркнул В.В. Иванов. Рассказывая о том, как создавались знаменитые „Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам)”, Иванов отметил, что Ю.М. Лотман „был единственным, кто все еще умел объединить эту разношерстную и противоречивую компанию.⁶ Он никому не навязывал своей точки зрения, но старался добиться если не единства, то подобия гармонии и контрапункта в этой разноголосице” (Иванов 1994: 488). Так было и в тартуской кафедральной жизни.

Чувство единства, пронесенное кафедрами 1950-х гг. через всю жизнь,⁷ было результатом их целенаправленных усилий, вначале, надо полагать, интуитивных и импульсивных, но затем оформившихся у Ю.М. Лотмана во вполне осознанную культурную программу. Недаром в своем завещании он подытожил: „Кафедра принадлежит истории культуры.”

Уже приводились и, конечно, будут приводиться примеры и свидетельства тартуского „кафедрального духа”. Его приверженцами были большинство из тех, кто работал на кафедре начиная с 1950-х гг. Было выработано специальное понятие – „кафедральный человек”, т.е. носитель „духа кафедры”, ее системы ценностей и традиций. Оно передавалось как эстафета и следующим поколениям работников кафедры. Затем оно несколько расширилось до понятия „тартуский человек”, поскольку слово „кафедральный” могло относиться лишь к тому, кто

6 В создании „Тезисов” принимали участие В.В. Иванов, Ю.М. Лотман, А.М. Пятигорский, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский. См.: *Semiotyka i struktura tekstu* 1973: 9-32, а также многочисленные переводы.

7 Например, Б.Ф. Егоров в комментариях к письмам Ю.М. Лотмана, опубликованных в „Звезде” [1994, 7] пишет: „наша кафедра в 1960-70-е годы (...), в 1980-е годы (...)”, а между тем Б.Ф. Егоров уехал из Тарту в 1960 г., но чувство причастности к кафедре не исчезло до сих пор. Оно было общим и для Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, а также для С.Г. Исакова, В.И. Беззубова, П.С. Рейфмана.

работал на кафедре, а слово „тартуский” могло включать и тех, кто никогда не работал в Тартуском университете.

Разумеется, эти понятия так же мифологичны и мифогенны, как и само слово „кафедра”. В толковании этих понятий, как и в отношении к ним возможны варианты, и они имеются среди носителей „кафедрального духа”. Отсюда и бесконечные споры о том, когда был „золотой век” кафедры (равно как и был ли он вообще или только будет...), или о том, „погибла” ли кафедра. Как бы ни относиться к этим спорам и к самим понятиям, в жизни Ю.М. Лотмана они сыграли большую роль.

Ю.М. Лотман был и творцом, и участником этой жизни – этой кафедральной реальности и, одновременно, кафедрального мифа – она вошла в его внутреннюю биографию ученого, сделавшись той „автобиографией”, которая неотделима от научной позиции и составляет тот „субъективный фактор”, который, как многократно подчеркивал Ю.М. Лотман, неустраним из исследований и может только рефлексироваться исследователем. Пребывание в инациональной и инокультурной среде также наложило на Ю.М. Лотмана свой отпечаток. Жизнь в Тарту развивала особую чуткость к *другому* миру, а также быстрее излечивала от остатков „советскости”.

Атмосфера Тарту в период „хрущевской оттепели” и даже в последующие советские годы была более свободной, чем в столичных городах, однако это не значит, что Ю.М. Лотман не испытывал политического и идеологического давления и не подвергался преследованиям.⁸ Его университетское личное дело может с полным правом быть названо „невъездным”, хотя там представлена лишь малая часть приглашений, полученных Ю.М. Лотманом от разных европейских и американских университетов, научных обществ и организаций. Первое приглашение пришло в начале 1959 г. И хотя поездка должна была состояться на Шиллеровскую конференцию в „дружественную” ГДР, а ходатайство было подано в январе, 6 июня 1959 г. последовал отказ от Министерства, мотивированный поздним (всего за полгода!) представлением документов.

---

⁸ См. в *Не-мемуарах* описание слежки за Лотманом и обыска в его доме в январе 1970 г. (Лотман 1995: 45-46).

Тем не менее, надо подчеркнуть, что преследования, запреты всегда исходили от „руководящих” органов (КГБ, ЦК партии, Министерств). Университетскому начальству приходилось играть роль исполнителей неприятных распоряжений и указаний. Конечно, жизнь любого советского университета, в том числе и Тартуского, была подчинена особой – „зазеркальной” – логике. Например, в личном деле Ю.М. Лотмана соседствуют два документа. Один – копия письма А. Греймаса от 28/09/1966 с приглашением прибыть в Париж на заседание редколлегии бюллетеня международной ассоциации семиотики, вице-президентом которой Ю.М. Лотман был избран. А рядом – протокол о сдаче на „отлично” экзамена по охране труда (15/04/1966), который всемирно известный ученый был вынужден сдавать, будучи зав. кафедрой.

Как зав. кафедрой Ю.М. Лотман должен был вести огромное число административных дел и присутствовать на бесконечных заседаниях, которые его очень утомляли. Он был непревзойденным мастером писать всевозможные отчеты, планы, рапорты, в изобилии требовавшиеся разными бюрократическими инстанциями. Это была цена за возможность направлять работу кафедры, определять стратегию ее научной и академической деятельности, разворачивать издательскую деятельность.⁹ В конечном итоге – цена за возможность формировать свою научную школу. Если бы Ю.М. Лотман не отдавал столько сил университетской деятельности – преподавательской, организаторской, издательской, административной, – наверное, он смог бы написать еще больше, чем написал. Но это были бы *другие* работы, и не было бы тартуской школы.

Думаю, что влияние тартуского субстрата на научное творчество Ю.М. Лотмана предстоит еще внимательно изучать, а то, что тартуская школа – это школа Лотмана, это давно очевидно.

---

⁹ История организации конференций, в том числе Летних школ (см. об этом: *Тартуско-Московская семиотическая школа* 1994), а также издательская деятельность кафедры – это отдельная тема, которой объем настоящей статьи не позволяет даже коснуться. Красноречивее всего об издательской деятельности свидетельствует книга: *Труды по русской литературе* 1991.

ЛИТЕРАТУРА

- Егоров, Б.Ф.
1994 *У истоков Тартуской школы: воспоминания о 1950-х годах*, „Новое литературное обозрение”, 1994: 8: 78-85.
- Иванов, В.В.
1994 *Из следующего века*, в: Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа, М. 1994: 486-490.
- Лотман, Ю.М.
1995 *Не-мемуары*, в: Лотмановский сборник, М. 1995: I.
- Памяти Лотмана*
1994 *Памяти Юрия Михайловича Лотмана*, в: Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа, М. 1994: 491-495.
- Тартуско-Московская семиотическая школа*
1994 *Тартуско-Московская семиотическая школа глазами его участников*, в: Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа, М. 1994: 265-351.
- Труды по русской литературе*
1991 *Труды по русской литературе и семиотике кафедры русской литературы Тартуского университета: 1958-1990. Указатели содержания*, Тарту 1991.
- Semiotyka i struktura tekstu*
1973 *Semiotyka i struktura tekstu: Studia poświęcone VII Międzynarodowemu kongresowi slawistów, Warszawa 1973, Wrocław 1973.*

Slavica tergestina 4 (1996)